КІЕВСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Цѣна годовому изданію 3 р. 60 к. съ пересылкою. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чиселъ.

1893 года. **№ 9.** 1 Мая.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

СЛОВО

въ великій пятокъ, предъ плащаницею.

Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы. (Матѳ. 11, 22).

Съ такимъ призваніемъ Іисусъ Христосъ обращался къ народу, которому Онъ проповѣдывалъ евангеліе царствія Божія. Но призваніе это не временное и не мѣстное. Хотя враги Божественнаго Учителя думали навсегда заградить уста Его, осудивъ Его на смерть; но изъ безмолвнаго гроба Христа Спасителя еще внятнѣе слышится то, что Онъ провозглашалъ во время земной своей жизни. Не слышится ли и намъ теперь, мысленно стоящимъ предъ гробомъ Своего Спасителя, тоже призваніе, если мы не притупили въ себѣ духовнаго слуха?

Къ кому же именно относится это призваніе? Кто эти труждающіися и обремененные?

И во первыхъ, общій всѣмъ намъ трудъ и на всѣхъ насъ лежащее бремя есть грѣхъ. Правда, иногда грѣхъ кажется людямъ не только не тяжестію, причиняющею страданія, но и облегченіемъ отъ трудовой жизни, доставляющимъ удовольствіе. Однако это такое заблужденіе, которому поддается человѣкъ большею частію произвольно, чтобы не вести непріятной ему борьбы съ своими страстями. Въ грѣхѣ дѣйствительно бываетъ нѣкоторая *сладость*, какъ говоритъ апостолъ (Евр. 11, 25), но только *временная*, подобная сладости нѣкоторыхъ веществъ, пріятныхъ на вкусъ, но ядовитыхъ для тѣла. Каждый порокъ нашъ можно назвать пріемомъ питья изъ отравленной чаши, хотя бы мы при самомъ питьи и не чувствовали отравы. Такъ, напримѣръ, сладострастіе истощаетъ тѣло, хотя угождать похоти и пріятно,—честолюбіе разрушаетъ миръ души, хотя получать хвалы отъ другихъ и лестно,—корыстолюбіе производитъ мучительную жажду пріобрѣтеній, хотя каждое новое пріобрѣтеніе и радуетъ его корыстолюбца,—праздность порождаетъ убійственную скуку, хотя и представляется сначала пріятнымъ состояніемъ,—короче, нѣтъ грѣха, который не вносилъ бы растлѣніе въ нашу духовную и тѣлесную жизнь. А что мы до времени можемъ не сознавать и не ощущать разрушительнаго дѣйствія грѣховъ, то этимъ не уменьшается, а увеличивается зло: чѣмъ далѣе оно таится, тѣмъ съ большею силою потомъ открывается. Нѣтъ ничего страшнѣе, какъ нечаянно очутиться во власти грѣховныхъ привычекъ, освободиться отъ которыхъ не оказывается уже не только силъ, но даже и желанія въ человѣкѣ.

Далѣе. Если грѣхъ есть самъ по себѣ трудъ и бремя, то добродѣтель дѣлается тѣмъ и другимъ для человѣка по его грѣховности. Легко и отрадно бываетъ намъ говорить о дѣлахъ правды, о жизни праведной; но легко ли для насъ дѣлать такія дѣла, легко ли намъ жить праведно, если мы хотимъ своими только силами достигнуть нравственной чистоты и святости? Въ каждомъ изъ нихъ не только есть, но и большею частію преобладаютъ порочныя наклонности, и нужна постоянная борьба съ собою, нужно часто самоотверженіе, чтобы не уступить грѣховнымъ влеченіямъ. А совнѣ, въ мірѣ, подвижнику добродѣтели гораздо чаще встрѣ-

чаются препятствія, чѣмъ поощренія къ добру. То соблазнительны примѣры, то недобрыи обычаи, то нужда матеріальная, то самый избытокъ во вещественныхъ средствахъ для жизни, то лесть, то клевета—всего не перечесть, что желающему жить праведно затрудняетъ или порою даже заграждаетъ путь къ его высокой цѣли. И такъ не трудъ ли, не бремя ли и добродѣтель для человѣка, предоставленнаго себѣ самому въ дѣлѣ духонравственнаго самоусовершенія!

Наконецъ, самый очевидный трудъ и самое общеизвѣстное бремя составляютъ для многихъ различныя лишенія и бѣдствія житейскія. Бѣдность, изъ которой не видится исхода,—потеря близкихъ и дорогихъ лицъ, которой ничѣмъ нельзя вознаградить,—болѣзнь, не лишающая чувства любви къ жизни, но и не позволяющая пользоваться ея благами,—не заслуженный позоръ, непредвидѣнное разореніе и другія бѣдствія, которыхъ такъ много и въ частной и въ общественной жизни, порождаютъ жестокія страданія и ложатся на человѣка какъ бремя, подъ которымъ онъ едва можетъ переводить дыханіе.

Если не на каждомъ изъ насъ лежатъ эти бремена съ одинаковою тяжестію, то каждый носитъ ихъ въ такой мѣрѣ, въ какой нельзя не чувствовать отъ нихъ страданія. Поэтому всѣхъ насъ зоветъ къ Себѣ Господь Искупитель нашъ, обѣщая каждому даровать успокоеніе.

Что же требуется отъ насъ, чтобы получить обѣщанный намъ даръ Господень?—*Возмите иго Мое на себе и научитеся отъ Мене,*—вотъ чего требуетъ Господь отъ каждаго, кто хочетъ найти у Него покой душѣ своей. Игомъ Своимъ Онъ называетъ свое ученіе; поэтому взять Его иго на себя значитъ увѣровать въ Него, сдѣлаться Его ученикомъ и послѣдователемъ. Но чтобы такое требованіе не внушило кому опасенія—возложить на себя новыя тяготы, Господь продолжаетъ: *яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть.* Не бойтесь, какъ бы такъ говоритъ Онъ призываемымъ,—Я не обременю васъ, потому что Я кротокъ и смиренъ и пришелъ не для того, чтобы Мнѣ служили, а чтобы послужить другимъ для ихъ спасенія; ученіе мое и заповѣди мои

исходятъ отъ любви и внушаютъ любовь, почему они если и составляютъ иго и бремя, то—иго благое и бремя легкое.

И такъ, кто желаетъ истиннаго успокоенія отъ разныхъ обременяющихъ его скорбей въ мірѣ? Пріиди ко Христу, возьми на себя Его благое иго и легкое бремя, и Онъ сниметъ съ тебя подавляющую тяжесть зла; обратись къ Нему съ вѣрою и готовностію слѣдовать Его ученію, и получишь отъ Него утѣшеніе въ скорби и силу въ немощи.

Пріиди грѣшникъ, почувствовавшій тяжесть грѣха, утратившій покой совѣсти и не находящій ни въ чемъ успокоенія: Господь проститъ тебя по твоей вѣрѣ и за искренность твоего раскаянія не вмѣнитъ тебѣ грѣховъ твоихъ. А какой это безцѣнный даръ—прощеніе грѣховъ! *Блаженъ, кому отпущены беззаконія и и чьи покрыты грѣхи*, восклицаетъ пророкъ Давидъ, на себѣ самомъ извѣдавшій муки совѣсти за грѣховныя дѣйствія, но за глубокое раскаяніе удостоившійся прощенія отъ Бога (Псал. 32, 1—2). Сознаніе грѣха безъ надежды прощенія—ужасно; а прощать грѣхи можетъ только Тотъ, кто своею кровію искупилъ грѣшниковъ отъ проклятія за грѣхъ. И вотъ Самъ онъ зоветъ къ Себѣ насъ грѣшныхъ, чтобы даровать намъ прощеніе, если мы захотимъ быть Его искренними учениками и послѣдователями. *Седмьдесятъ кратъ седмерицею отпуститъ онъ прегрѣшенія* обращающемуся къ нему грѣшнику (Матѳ. 18, 22). Двери милосердія Его всегда открыты для тѣхъ, кто съ вѣрою ищетъ Его милости и проситъ у Него мира душѣ своей.

Пріиди ко Христу ищущій праведности и не находящій въ себѣ силы творить правду, желающій жить по заповѣдямъ закона и впадающій въ беззаконія. Оставь самонадѣянность; самъ собою не сдѣлается праведникомъ, самъ себя не управитъ въ Царствіе Божіе. Апостолъ за всѣхъ насъ исповѣдуетъ безсиліе наше въ борьбѣ со грѣхомъ: *добро, котораго хочу, не дѣлаю, а зло, котораго не хочу, дѣлаю... по внутреннему человѣку нахожу удовольствіе въ законѣ Божіемъ, но въ членахъ моихъ вижу иной законъ, противоборствующій закону ума моего и дѣлающій меня плѣнникомъ закона грѣховнаго... Бѣдный я человѣкъ! Кто меня избавитъ отъ сего тѣла смерти*, то есть, отъ моихъ собственныхъ

страстей, насильно влекущихъ меня ко злу! Но тотчасъ же испо вѣдуетъ и безмѣрную милость Христа искупителя, освобождающаго насъ отъ осужденія за грѣхъ и дающаго намъ силу жить не по плоти, а по духу: *благодарю Бога моего Іисусомъ Христомъ, Господомъ нашимъ*, снявшимъ съ насъ *осужденіе своею жертвою за грѣхъ* и дарующимъ намъ *Духа усынавленія*, по которому мы обращаемся къ Богу, какъ къ Отцу нашему, и *взываемъ къ Нему*: *Авва, Отче*! (Рим. 7, 20—25; 8, 1. 3. 15). И такъ, что тяжело и безуспѣшно дѣлается нами, когда мы предоставлены себѣ самимъ, то обращается въ отрадный и благоплодный трудъ, когда одушевляетъ насъ вѣра во Христа Спасителя и *вѣрою вселяется Христосъ въ сердца наши* (Ефес. 3, 17). Если мы не знаемъ этого по собственному опыту, то послушаемъ, что говорятъ объ этомъ люди, глубоко свѣдующіе въ духовной жизни: *путь заповѣдей твоихъ текохъ, егда расширилъ еси сердце мое*, говоритъ о себѣ псалмопѣвецъ (Псал. 118, 32); видно, пока онъ въ обыкновенномъ состояніи духа старался исполнять заповѣди Божіи, ему трудно было дѣлать это, но когда Господь согрѣлъ, расширилъ сердце его своею любовію,—онъ легко и свободно пошелъ по пути добродѣтели. *Я все могу въ укрѣпляющемъ меня Іисусѣ Христѣ*. (Фил. 4, 13.), *и когда я немощенъ, тогда я силенъ* (2 Кор., 52, 10),—свидѣтельствуетъ о себѣ Апостолъ Павелъ. Вотъ какъ все измѣняется, коль скоро человѣкъ начинаетъ трудиться для вѣчной жизни со Христомъ Спасителемъ, предаваясь Ему умомъ и сердцемъ.

Пріиди ко Христу и ты, страждущій отъ тѣхъ или другихъ напастей въ мірѣ. Во дни земной жизни своей Господь не проходилъ мимо страдающихъ безучастно, но подовалъ всѣмъ помощь по мѣрѣ вѣры каждаго. *По вѣрѣ вашей будетъ вамъ* (Матѳ. 9, 29), или: *если можешь сколько нибудь вѣровать,—все возможно вѣрующему* (Марк 9, 23), говорилъ Онъ тѣмъ, кому простиралъ руку помощи. Такъ Онъ исцѣлялъ больныхъ, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, очищалъ прокаженныхъ, воскрешалъ мертвыхъ. Вся земная дѣятельность Его выражается словами: Онъ *училъ* и *благотворилъ*. А развѣ Онъ не тотъ же и теперь, какимъ былъ во время видимаго пребыванія своего съ людьми? Развѣ Онъ не можетъ или не хочетъ теперь совершать тѣ благодѣянія, какія совершались Имъ

прежде? Или любовь Его оскудѣла? Или забылъ Онъ тѣхъ за чье искушеніе пролилъ кровь свою? *Іисусъ Христосъ вчера и днесь, Той же и во вѣки.* Неизчислимы дѣла милосердія Его во всякое время, хотя они большею частію невидимы для насъ. Сколько впрочемъ и такихъ, которыя Онъ благоволитъ совершать явно и которыхъ, не видятъ только тѣ, кто не хочетъ видѣть! Можетъ быть, и среди насъ есть вѣрующіе, сподобившіеся узрѣть надъ собою знаменіе милости Божіей, утѣшенные въ скорби утѣшеніемъ свыше или спасенные отъ напасти невидимою рукою Божіею.—Не будемъ унывать и въ такихъ случаяхъ, когда наши мольбы о помощи какъ будто не доходятъ до слуха Господа. Мы должны знать, что для вѣры необходимы бываютъ испытанія, и потому если Господь медлитъ явить тебѣ свою помощь; то не малодушествуй, но *потерпи Господа, мужайся и да крѣпится сердце твое* (Псал. 26, 14). Всякій *претерпѣвый до конца спасется* (Матѳ. 24, 13).

Братіе! Нынѣ Господь зоветъ насъ къ Себѣ для упокоенія нашего; но будетъ время, когда Онъ позоветъ насъ къ Себѣ для суда надъ нами. Нынѣ въ нашей волѣ послѣдовать Его призванію; тогда всѣмъ неизбѣжно будетъ предстать предъ лице Его. Что же? Если мы нынѣ презримъ Его милосердіе, то какъ устоимъ тогда предъ Его правосудіемъ! Если скажемъ: мы уже наказаны за свое нерадѣніе, насъ умучилъ міръ, въ которомъ мы чаяли найти желанныя блага, или—нашу жизнь отравила самонадѣянность, съ какою мы брались за дѣло своего спасенія, или—мы подавлены тяжестію скорбей, отъ которой нигдѣ не надѣялись найти освобожденія; то Онъ отвѣтитъ: вы предпочли пагубное иго міра моему благому игу, вы не хотѣли взять на себя мое легкое бремя, для того—чтобы Я снялъ съ васъ бремя тяжкое,—и Я предоставляю васъ участи, которую вы сами для себя избрали; въ царствіи Моемъ нѣтъ мѣста для презрителей благой и праведной воли Моей.

Нѣтъ, Господи! Призывая, привлеки насъ къ себѣ твоею благодатною силою. Даруй намъ нынѣ вкусить отъ сладости милосердія Твоего, чтобы навсегда сдѣлаться намъ причастниками твоей жизни. Молимся Тебѣ, Всеблагій: грѣшныхъ насъ прости, слабыхъ укрѣпи, скорбящихъ утѣшь, всѣхъ помилуй и спаси, за всѣхъ пострадавшій и умершій! Аминь.

Протоіерей *Н. Ѳаворовъ.*

Въ защиту Кіевскаго митрополита Петра Могилы.

Въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ» за послѣдніе годы (1888, №№ 2 и 4, 1889, № 1) напечатано обширное трехъ-томное сочиненіе, *П. А. Кулиша*, подъ заглавіемъ: «Отпаденіе Малороссіи отъ Польши». Г. Кулишъ безспорно очень талантливый историкъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и крайне односторонній, способный къ увлеченіямъ излюбленными идеями и пристрастнымъ сужденіемъ. Отсюда на ряду съ чрезвычайно мѣткими изображеніями историческаго прошлаго, мы встрѣчаемъ у него немало ошибочныхъ сужденій, опирающихся на односторонне подобранные, неправильно истолкованные, а иногда и прямо искаженные факты. Въ особенности много встрѣчается у г. Кулиша невѣрныхъ и до неожиданности странныхъ характеристикъ нѣкоторыхъ замѣчательныхъ историческихъ дѣятелей. Вотъ какъ, наприм., онъ характеризуетъ извѣстнаго князя Константина (Василія) Константиновича Острожского: «нравственно несостоятельный, мизерный эгоистъ, предатель, негодяй; низменное созданіе своего вѣка и общества; безовѣстнѣйшій, прозванный у сплетниковъ святопамятнымъ» (т. II, стр. 214, 238, т. III, 270). Въ защиту дѣятельности одного изъ такихъ историческихъ лицъ, именно Богдана Хмельницкаго, котораго г. Кулишъ называетъ свирѣпымъ разбойникомъ, *кровожаднымъ звѣремъ*, *змѣемъ горыничемъ*, *развратникомъ*, *пьяницею*, *грязною душою*, *плутомъ*, и т. д. безъ конца,—появилась въ тѣхъ же «Чтеніяхъ» (1889 г. № 1) обширная статья Г. Ѳ. Карпова.

Къ числу нежалуемыхъ г. Кулишомъ историческихъ дѣятелей принадлежитъ и знаменитый кіевскій митрополитъ Петръ Могила,—іерархъ по своимъ заслугамъ православію приснопамятный, представляющій собою (какъ прекрасно выразился преосв. Макарій) одно *изъ лучшихъ украшеній* нашей православной церкви. Г. Ѳ. Карповъ въ упомянутой статьѣ очасти старается защитить отъ нападокъ г. Кулиша и Петра Могилу. Но какъ его защита Богдана Хмельницкаго по мѣстамъ переступаетъ надлежащія границы, такъ, наоборотъ, защита знаменитаго митрополита не только слабовата, но и сама нуждается въ существенныхъ поправкахъ. Защитникъ на-

ходитъ возможнымъ согласиться съ г. Кулишомъ, что для П. Могилы «его священный санъ (?) и занятія религіозными дѣлами входили иногда въ *составъ аристократическихъ удовольствій*»; говоря о томъ, что не слѣдуетъ забывать научныхъ заслугъ означеннаго митрополита, благодаритъ его за то, что онъ (подобно князю К. К. Острожскому) бросалъ отъ *милліонныхъ доходовъ гроши* на научно-церковныя изданія и типографіи, а чѣмъ онъ въ данномъ случаѣ руководился («чѣмъ бы ни руководствовался»),—это для насъ дѣло безразличное; характеризуя политическую дѣятельность П. Могилы и князя Острожскаго, признаетъ, что теперь «не разберешь, результатъ чьей дѣятельности то или другое явленіе; *одно только ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ весьма непригляднымъ историческимъ фактомъ*» (См. упомянутой статьи стр. 12—13).

Взглядъ г. Кулиша, усвоенный имъ на дѣятельность Петра Могилы, не остается безъ воздѣйствія на нашу ученую литературу. Только что прочтенное нами сочиненіе г. Эйнгорна (въ общемъ очень цѣнное): «О сношеніяхъ малороссійскаго духовенства съ московскимъ правительствомъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича»,—въ отдѣлѣ, посвященномъ уясненію отношеній означеннаго митрополита къ московскому государству, носитъ на себѣ замѣтные слѣды тенденціозныхъ возрѣній г. Кулиша.

Разумѣется, и *ереси подобаетъ вѣдати*, какъ, между прочимъ, заявлено было Г. Ѳ. Карповымъ въ объясненіи, почему во многомъ несогласное со взглядами редакціи сочиненіе г. Кулиша нашло себѣ мѣсто въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей». Но, думаемъ, что тѣмъ болѣе *подобаетъ обличать ереси*, да не затмѣваютъ они истину. Послѣднее соображеніе и побудило насъ предложить вниманію читателей настоящую статью, имѣющую въ виду односторонне извлеченнымъ и невѣрно истолкованнымъ у г. Кулиша фактамъ по отношенію къ дѣятельности П. Могилы, противопоставить документальныя данныя въ ихъ исторической связи и надлежащемъ освѣщеніи.

Нелестные отзывы г. Кулиша о митрополитѣ Петрѣ Могилѣ могутъ быть подведены подъ слѣдующія рубрики: 1) сомнѣніе въ митрополитѣ, какъ лицѣ *строго православномъ*; 2) своекорыстныя

побужденія и непрямыя пути, обнаруженныя имъ при вступленіи на кіево-печерскую архимандрію, а затѣмъ кіевскую митрополію; 3) неблаговидныя поступки его съ своимъ предшественникомъ по митрополіи Исаіею Копинскимъ и вообще жестокія мѣры по отношенію къ разнымъ, не сочувствовавшимъ ему лицамъ; 4) вредное для православія и русской народности вліяніе основанной имъ коллегіи, и 5) ложное направленіе его политической дѣятельности, какъ явленія, притупляющаго русское сознаніе.

По этимъ пунктамъ мы и представимъ историческія разъясненія, причемъ не только (въ интересахъ взятой на себя защиты) не будемъ умалять доказательствъ, приводимыхъ г. Кулишомъ въ своей обвинительной рѣчи противъ П. Могилы, но даже усилимъ ихъ свидѣтельскими показаніями лицъ, по нѣкоторымъ вопросамъ раздѣляющихъ воззрѣнія этого историка относительно дѣятельности знаменитаго митрополита.

1) *Православіе П. Могилы.* Свою рѣчь по данному вопросу г. Кулишъ начинаетъ такими разсужденіями: «Современная переписка папскихъ нунціевъ съ Римскою Куріею представляетъ намъ *отца и дядю Петра Могилы* въ связи съ предводителями польскихъ іезуитовъ... Напримѣръ, въ наставленіи, данномъ нунціемъ Маласпиною преемнику его въ Польшѣ 1598 года, говорится, что *папа установилъ въ Молдавіи и Валахіи епископа, который недавно прибылъ въ свою резиденцію*; а въ инструкціи, полученной изъ Рима нунціемъ Симонеттою 1606 года, сказано уже прямо: *хотя господарь Семеонъ исповѣданія греческаго, не смотря на то, весьма расположенъ къ католикамъ, равно какъ братъ его Іеремія, послѣ котораго вступилъ онъ на господарство. Вы будете поддерживать пріятельскія отношенія съ нимъ и съ его секретаремъ, добрымъ, какъ говорятъ, католикомъ*, и проч... Словомъ, Римская Курія ухаживала за властителями православныхъ Волоховъ, какъ и за польско-русскими православниками. Самъ Петръ Могила получилъ воспитаніе при содѣйствіи іезуитовъ... Насколько впечатлѣнія дѣтства (не безъ коварства замѣчаетъ г. Кулишъ) отразились въ зрѣлыхъ лѣтахъ Петра Могилы, невозможно опредѣлить покамѣстъ; *но свидѣтельства современниковъ не всѣ говорятъ въ пользу его православности.* (Отпаденіе Малорос. отъ Польши. I. 177—178).

Понятно, къ чему клонится рѣчь г. Кулиша: отецъ и дядя митрополита П. Могилы находились подъ вліяніемъ іезуитовъ и обнаруживали шаткость въ отношеніи къ православію. Какъ отразились на митрополитѣ впечатлѣнія дѣтства, судить трудно; но, очевидно, яблоко не далеко падаетъ отъ яблони,—и дѣйствительно не всѣ свидѣтельства говорятъ въ пользу православія Могилы.

Оставимъ пока въ сторонѣ эти свидѣтельства: посмотримъ, насколько правды въ сужденіяхъ г. Кулиша объ Іереміи и Семеонѣ Могилахъ?

Справедливо здѣсь только одно,—именно, что означенные воеводы въ житейскомъ быту поддерживали хорошія отношенія съ католиками. Но таковыя добрыя отношенія вызывались политическими соображеніями (бѣдственное положеніе молдо-влахійскихъ земель, требовавшее извѣстной осторожности со стороны правящихъ лицъ въ ихъ сношеніяхъ съ представителями сильныхъ державъ, близкія, дружественныя связи съ католическою Польшею, и т. п.) и вліянія на религіозныя воззрѣнія Іереміи и Семеона Могилъ не имѣли: оба эти господари—братья, подобно своему дѣду логофету Іоанну (въ *монашествѣ* Іоанникію), отличались *искреннимъ расположеніемъ и глубокою приверженностію къ праотцевской, православной вѣрѣ*, чтó и засвидѣтельствовали цѣлымъ рядомъ соотвѣтствовавшихъ сему дѣяній.

Вступленіе фамиліи Могилъ на господарскій престолъ совпало съ временемъ усиленной дѣятельности римско-католическихъ пропагандистовъ какъ въ юго-западной Россіи, такъ и сосѣднихъ съ нею молдо-влахійскихъ земляхъ. На долю Могилъ, такимъ образомъ, выпадала священная обязанность отстаивать интересы православія въ управляемой ими странѣ,—обязаность тѣмъ болѣе трудная, что нѣкоторые изъ предшествовавшихъ имъ воеводъ своимъ опрометчивымъ поведеніемъ подавали Риму большія надежды на успѣхъ его притязаній. Совершившееся въ это время оффиціальное провозглашеніе религіозной уніи въ Польской Коронѣ, покровительствовавшей фамиліи Могилъ, еще болѣе усложняло эту обязанность. Тѣмъ не менѣе Могилы свято исполняли ее. Когда Іеремія Могила, весьма много обязанный Польшѣ, предъ своимъ вступленіемъ на господарство давалъ торжественную присягу ока-

зывать этой странѣ покорность, то однимъ изъ первыхъ условій, выговоренныхъ имъ для своего государства, было *полное обезпеченіе въ немъ свободы греческаго вѣроисповѣданія*,—причемъ Могила настоялъ, чтобы обѣщаніе польскаго короля относительно этого было торжественно заактировано [1]).—Подобную же ревность къ праотцевской вѣрѣ обнаруживалъ Іеремія,—а равно и его братъ Симеонъ,—и во время ихъ княженія, эта ревность наиболѣе замѣтно выражалась въ заботахъ господарей о поддержаніи и благоустройствѣ православныхъ церквей и монастырей. «Отъ нашея юности»—писалъ Іеремія въ одной изъ своихъ дарственныхъ грамотъ Скульскому монастырю—«боголюбивымъ желаніемъ и сердечнымъ распаленіемъ утвержденіе и честь и украшеніе святой церкви непремѣненно въ душу вкорененны имами» [2]). Благочестивый воевода всегда держалъ въ памяти, что «утверждаяй и украшаяй церковь утверждаетъ и украшаетъ душу свою» [3]).—Щедроты фамиліи Могилъ не огриничивались вспомоществованіями отечественнымъ православнымъ обителямъ и церквамъ, но распространялись и на сосѣднія единовѣрныя южно-русскія земли. Львовское православное братство, въ концѣ XVI столѣтія обнаружившее наибольшую ревность въ борьбѣ съ пропагандою католицизма и уніи, и отчасти вслѣдствіе этого сильно нуждавшееся въ матеріальныхъ средствахъ,—въ фамиліи Могилъ нашло для себя усердныхъ и щедрыхъ благотворителей. Почти не проходило года, чтобы Іеремія Могила, а затѣмъ и братъ его Симеонъ (во время ихъ управленія Молдо-Влахіею) не присылали въ даръ Львовскимъ братчинамъ такія крупныя суммы какъ 500 червонцевъ, 1000, 1500 и 2000 злотыхъ польскихъ [4]). При этомъ нужно имѣть въ виду, что такія благотворенія означенными господарями дѣлались не отъ избытковъ, не были аристократическою прихотью, а вызывались именно ревностью ихъ къ православію; документально извѣстно, что весьма

---

[1]) *Okolskiego*, Orbis Polonus. II, 230.

[2]) Chronica Romanalui, изд. епис. Мелхиседекомъ, въ 1874 г., стр. 23.

[3]) Ibid. стр. 23—24.

[4]) См. Лѣтопись Львовс. братства, *Зубрицкаго*, подъ 1593 и слѣд. годами; А. Ю. и З Р. т. I, № 222; наше сочиненіе о *Кіевс. митроп. П. Могилѣ* прилож. № XIX.

значительныя суммы пересылались Могилами Львовскому братству иногда въ то время, когда сами они до того нуждались въ матеріальныхъ средствахъ, что должны были для удовлетворенія просьбъ братчиковъ прибѣгать къ денежнымъ займамъ у своихъ подданныхъ или предпринимать другія тому подобныя крайнія мѣры [1]).—Кромѣ денежныхъ вспомоществованій Могилы оказывали Львовскому братству и другаго рода услуги; такъ, напр., Іеремія Могила, находясь въ хорошихъ отношеніяхъ съ Сигизмундомъ III и многими вліятельными польскими магнатами, не разъ (не смотря на господство въ то время въ Польшѣ ультра-католической партіи) защищалъ предъ королемъ интересы львовскихъ братчиковъ и выпрашивалъ у него привиллегіи, ограждавшія братство отъ притѣсненій со стороны поляковъ [2]). Извѣстно также, что непріязненныя отношенія между братствомъ и Львовскимъ епископомъ Гедеономъ Балабаномъ, причинявшія много вреда обѣимъ враждующимъ сторонамъ и служившія большимъ соблазномъ для православныхъ, прекращены были при живомъ участіи Іереміи [3]).—Вообще, благодѣянія отца и дяди митрополита Петра Могилы для православнаго львовскаго братства были столь велики и существенны, что оно, соорудивъ въ началѣ 30-хъ годовъ XVII стол. свою великолѣпную Успенскую церковь, внутри главнаго купола ея золотыми буквами начертало имена ясно свѣтлыхъ двоицъ Іереміи и Семеона Могилъ, воеводъ молдавскихъ, какъ особенныхъ благотворителей (ктиторовъ) означенной церкви.

Эти многочисленные факты, обнимающіе *все* время княженія Іереміи и Симеона Могилъ, не только не благопріятствуютъ вышеприведенному мнѣнію г. Кулиша объ означенныхъ воеводахъ, какъ лицахъ склонныхъ къ католицизму, но и прямо свидѣтельствуютъ объ ихъ искреннемъ расположеніи и глубокой преданно-

---

[1]) Лѣтоп. Львов. братства подъ 1593 и 1598 г.г. А. Ю. и З. Р. т. I, № 212, I, V.

[2]) Наше сочиненіе—*П. Могила и его сподвижники*, прилож. № XIX, 1 и 2. А. Ю. и З. Р. т. I. № 222, I.

[3]) См. собственноручныя записки П. Могилы, изданныя нами въ Архивѣ Юго-Зап. Россіи, ч. I, т. VII., стр. 81—81.

сти праотцевской вѣрѣ. Поэтому, если нельзя не согласиться съ тѣмъ положеніемъ, что на міросозерцаніе той или другой личности оказываетъ большое вліяніе домашняя обстановка и вообще та среда, въ которой ей приходится вращаться,—то, примѣняя это положеніе къ митрополиту П. Могилѣ, мы приходимъ къ заключенію, далеко не согласному съ предположеніями г. Кулиша; именно, утверждаемъ, что будущій знаменитый митрополитъ росъ въ дѣтствѣ *подъ вліяніями, вселявшими въ него любовь къ православной религіи и убѣждавшими въ ея превосходствѣ передъ другими вѣроисповѣданіями*. При всей скудости историческихъ данныхъ о первоначальныхъ годахъ жизни П. Могилы, можно привести въ подтвержденіе сказаннаго и положительныя указанія,—правда очень отрывочныя, но драгоцѣнныя потому, что онѣ принадлежатъ самому митрополиту. Сюда мы относимъ два разсказа изъ дѣтской жизни Петра Могилы. Одинъ изъ этихъ разсказовъ свидѣтельствуетъ о томъ, «како Богъ любитъ измлада въ чистотѣ и въ молитвахъ пребывающихъ и всегда ему служащихъ и яко самъ къ нимъ бесѣдуетъ и путь спасенія показуетъ въ честь и славу своего неприступнаго Божества»; другой—касается событія, сообщеннаго Могилѣ во дни его дѣтства, безъ сомнѣнія, съ цѣлію показать несоизмѣримое превосходство православной религіи предъ католическою. Основною задачею разсказа служитъ желаніе вкоренить въ слушателѣ убѣжденіе, что *«во единой точію восточной греческой церкви истинна есть вѣра и дѣйствительная благодать Святаго Духа»*; латинская же церковь — *зловѣрная*, растлѣнная [1]).

«Петръ Могила—говоритъ г. Кулишъ—получилъ воспитаніе при содѣйствіи іезуитовъ». Это голословное заявленіе требуетъ значительныхъ ограниченій. Едва-ли можно сомнѣваться, что первоначальное образованіе П. Могила получилъ отъ наставниковъ Львовскаго православнаго братства. За это говорятъ, какъ дружественныя отношенія, существовавшія между львовскими братчиками и фамиліею Могилъ, такъ современное извѣстіе, что при дѣтяхъ Симеона и Маргариты Могилъ (родителей нашего митрополита) были домашніе наставники, находившіеся въ зависимости отъ

[1]) Suppl. ad Hist. Roc. monum. №№ CCLXXXIX—XCII. 4.

означенныхъ братчиковъ [1]). Что касается до окончательнаго образованія Могилы, то оно, безъ сомнѣнія, было получено имъ въ заграничныхъ университетахъ, при чемъ между профессорами, лекціи коихъ слушалъ будущій митрополитъ, могли быть и іезуиты. Но подобныя поѣздки заграницу съ цѣлями научными были всеобщимъ обычаемъ въ средѣ польской и южно-русской аристократіи того времени и вызывались (особенно со стороны послѣдней) необходимостью, такъ какъ собственныя, родныя школы не вполнѣ соотвѣтствовали потребностямъ времени. Само южно-русское православное духовенство стало считать такія поѣздки съ научными цѣлями дѣломъ необходимымъ. Имѣлись въ виду при этомъ добрыя цѣли: православные хотѣли, оставивъ въ сторонѣ иновѣрныя идеи, освоиться только съ научными пріемами, господствовавшими въ заграничныхъ коллегіяхъ, облечься во всеоружіе науки, чтобы впослѣдствіи обратить его противъ своихъ же учителей. Если нѣкоторые изъ этихъ лицъ, «піюще отъ чуждаго источника», не достигали этой цѣли и невольно заражались «смертоноснымъ ядомъ иновѣрія»,—то за то многіе предначертанные ими планы выполняли съ успѣхомъ и являлись дѣйствительно искусными (съ научной точки зрѣнія) поборниками православія. Такимъ образомъ, знакомство извѣстныхъ православныхъ лицъ съ западно-европейскою иновѣрною наукою, отнюдь не можетъ служить признакомъ и доказательствомъ ихъ шаткости въ праотцевской вѣрѣ. Для оцѣнки извѣстнаго лица въ этомъ отношеніи нужно ознакомленіе съ его жизнію и дѣятельностію. Дерево познается по плодамъ его. Плоды же жизни и дѣятельности Петра Могилы таковы, что дѣлаютъ имя этого митрополита приснопамятнымъ всякому, кому понятны значеніе вѣры и просвѣщенія въ развитіи и охраненіи народной жизни. Доказывать это—значитъ перечислять всевозможныя мѣры, предпринимавшіяся знаменитымъ митрополитомъ съ цѣлію защитить, охранить и укрѣпить православную церковь, подвергавшуюся серьезной опасности отъ напора искусно-организованной и располагавшей громадными средствами иновѣрной (преимущественно латино-польской) пропаганды... Не взирая на это, г. Кулишъ под-

[1]) А. Ю. и З. Р. т. I. № 222, IV, IX.

черкиваетъ, что *свидѣтельства современниковъ не всѣ говорятъ въ пользу православія Петра Могилы*.

Что это за свидѣтельства?

Одни изъ нихъ выходили отъ лицъ православныхъ, но не сочувствовавшихъ просвѣтительнымъ стремленіямъ науколюбиваго митрополита и находившихся во враждебныхъ къ нему отношеніяхъ. Самое рѣзкое изъ этихъ свидѣтельствъ принадлежитъ устраненному Могилою съ митрополичьей каѳедры Исаіи Копинскому. «Одноконечно—писалъ въ 1638 г. послѣдній, а за нимъ по всюду говорили и его приверженцы,—одноконечно король польскій и паны радные и ляцкіе арцыбискупы приговорили на сеймѣ, что въ ихъ польской и литовской земли, православной христьянской вѣрѣ не быть и христіанскіе церкви поломать и книги русскіе вывесть; а кіевскій митрополитъ Петръ Могила вѣры христьянской нынѣ отпалъ и благословенъ митрополитъ Петръ Могила отъ папы римскаго, нынѣ въ великій постъ въ патріархи, быть ему патріархомъ въ Вильнѣ будто въ хрестьянской вѣрѣ; и присягалъ онъ, Петръ Могила, королю и всѣмъ панамъ раднымъ и арцибискупамъ ляцкимъ, что ему хрестьянскую вѣру ученьемъ своимъ попрать и уставить всю службу церковную, по повеленью папы римскаго, и церкви хрестьянскіе во всѣхъ польскихъ и литовскихъ городахъ превратить въ костелы ляцкіе; и быть въ кіевскомъ печерскомъ монастырѣ ляцкимъ чернцамъ Бернадиномъ, и въ никольскомъ кіевскомъ монастырѣ быть приговорено ляцкимъ *Восацомъ*, и въ михайловскомъ монастырѣ быть Доминиканомъ». — Нужно-ли говорить, что все здѣсь изложенное отъ начала до конца несправедливо,—что все это суть ложные слухи, распускавшіеся недоброжелатетями Петра Могилы и, къ сожалѣнію, довѣрчиво принимавшіеся лично нерасположеннымъ къ нему Исаіею Копинскимъ? Историческая достовѣрность этихъ слуховъ совершенно такова же, какою отличались и тѣ доходившія въ Москву отъ «нѣкіихъ благовѣрныхъ мужей» свидѣтельства, что Петръ Могила въ архіерейскій санъ не рукоположенъ, но точію во архимандриты освященъ, а между тѣмъ не по закону дерзаетъ вся архіерейская дѣйствовать и рукополагать».

Правда, означенные слухи, исходящіе изъ среды нерасположенныхъ къ митрополиту лицъ имѣли нѣкоторую фиктическую подкладку: разумѣемъ участіе Петра Могилы въ попыткахъ къ соединенію церквей православной и уніатской,—попыткахъ не разъ возбуждаемыхъ въ первой половинѣ XVII вѣка. Но участіе нашего іерарха въ этомъ дѣлѣ отнюдь не было таково, чтобы давало право историку бросать тѣнь на его (П. Могилы) православіе. «Вы желаете—говорилъ П. Могила латино-уніатамъ—соединенія съ нами; мы сами этого желаемъ. Св. Восточная церковь ежедневно проситъ Господа, чтобы Онъ путями Ему вѣдомыми привелъ православныя церкви къ тому единенію, которое существовало между ними почти въ теченіе тысячелѣтія». Но означенное единеніе было понимаемо П. Могилою—какъ и нѣкоторыми другими тоговременными православными іерархами—не въ смыслѣ *отожествленія православія съ католицизмомъ*, не въ смыслѣ даже *административнаго* подчиненія папскому престолу; но мыслимо было какъ вселенское взаимообщеніе церквей въ вѣрѣ и любви съ сохраненіемъ за церковію всѣхъ, завѣщанныхъ древностію, особенностей въ ученіи, управленіи, обрядности. Лицевая сторона плановъ примиренія, въ изобиліи проэктировавшихся латино-уніатами, повидимому, не противорѣчила указанному взгляду на это дѣло православныхъ іерарховъ. Здѣсь, безъ сомнѣнія, и должно искать главную причину той готовности, съ какою П. Могила, а также и нѣкоторыя другія лица (напр., Іовъ Борецкій, котораго г. Кулишъ, по справедливости, считаетъ строго православнымъ) входили въ обсужденія по предмету соглашенія съ уніатами. Но когда они усматривали, что лицевая сторона была не болѣе какъ искуснымъ приступомъ, приманкою для привлеченія православныхъ въ разставляемую для нихъ западню,—они рѣшительно отстранялись отъ сношеній съ латино-уніатами и энергично протестовали противъ всякихъ уступокъ въ ущербъ православію. Для характеристики отношеній Петра Могилы къ означеннымъ попыткамъ о соединеніи церквей, достаточно сказать, что онъ устоялъ на высотѣ своего высокаго положенія, не обольстившись ни предлагаемымъ ему патріаршествомъ, ни сенаторскимъ мѣстомъ, ни многими другими благами міра сего.

Другія свидѣтельства о неправославіи П. Могилы идутъ изъ католическихъ источниковъ и имѣютъ въ виду славное имя знаменитаго митрополита такъ или иначе, съ тендеціозными цѣлями, пріурочить къ сторонникамъ папскаго престола.

Суша въ жизнеописаніи Мелетія Смотрицкаго (Savlus et Pavlus) заявляетъ, что П. Могила et in vita et in morte latino confessus, и разсказываетъ, что передъ кончиною митрополитъ тайно призывалъ къ себѣ латинскаго священника. Стоитъ ли опровергать эту гнусную клевету, клевету противъ человѣка, всю жизнь свою ратовавшаго за дѣло православія и въ первомъ пунктѣ своего предсмертнаго завѣщанія торжественно засвидѣтельствовавшаго: «въ вѣрѣ святой, въ которой я родился, воспитался, и недостойный, волею и благодатію Божіею, ношу санъ митрополита, въ той вѣрѣ, окончивъ жизнь свою, желаю предстать и передъ величіемъ своего Господа»?

Іезуитъ Ѳеофилъ Рутка въ сочиненіи Goliat swoim mieczem porażony (1689 г.), возражая Голятовскому, прославлявшему П. Могилу, какъ *православнаго* іерарха, замѣчаетъ, что онъ другаго мнѣнія о Могилѣ,—именно считаетъ его уніатомъ, хотя и скрытымъ, и въ доказательство этого указываетъ на то, что сей митрополитъ Trzebnik z lacinskiey Agendy y innych książ łacinskich, a nie greckich, choc udawał że z greckich, poprawił.

Фактъ, указанный Руткою о сдѣланныхъ Могилою при своихъ работахъ заимствованіяхъ изъ католическихъ книгъ, разумѣется вѣренъ; но выводъ изъ него сдѣланъ неправильный.—Войдемъ по этому поводу въ нѣкоторыя объясненія.

Между православіемъ, католицизмомъ и протестантизмомъ, при существенномъ различіи въ догматическомъ ученіи и обрядности, есть нѣкоторые пункты и соприкосновенные,— причемъ по однимъ вопросамъ сходство замѣчается у церквей православной и католической, по другимъ (напр., о главенствѣ папы) православные согласны съ протестантами. Въ первой половинѣ XVII стол. южно-русская литература была не богата богословскими трудами; между тѣмъ таковыхъ трудовъ у католиковъ и протестантовъ было значительное количество. Неизбѣжнымъ результатомъ этого было слѣдующее: южно-русскіе писатели, въ особенности

полемисты, при борьбѣ своей съ иновѣрною пропагандою, широко пользовались готовыми образцами въ польской и западно-европейской литературѣ, — причемъ, при борьбѣ съ протестантами дѣлали (согласныя съ православіемъ) заимствованія изъ католическихъ пособій, —при борьбѣ же съ католиками — изъ протестантскихъ. Такія заимствованія встрѣчаемъ у самыхъ строгихъ ревнителей православія, —наприм., у знаменитаго писателя своего времени Захаріи Копыстенскаго. Петръ Могила нѣсколько расширилъ эти существовавшіе до него предѣлы заимствованій, —именно, распространилъ ихъ и на книги церковно-богослужебнаго характера. Составляя свой знаменитый требникъ и положивъ въ основу его греческіе образцы, онъ (преимущественно въ отдѣлахъ, имѣющихъ характеръ объясненій и наставленій) ввелъ въ свой трудъ значительное количество матеріала, заимствованнаго и изъ латинскихъ ритуаловъ, —разумѣется, имѣя въ виду согласіе онаго съ православными возрѣніями. Предположенной цѣли—дать православному духовенству осмысленное руководство при требоисправленіяхъ—митрополитъ своимъ изданіемъ достигъ съ большимъ успѣхомъ и его требникъ не потерялъ значенія и до настоящаго времени. Разумѣется, при указанныхъ заимствованіяхъ изъ иновѣрныхъ источниковъ южно-русскіе писатели, а въ томъ числѣ и Петръ Могила, не избѣгали промаховъ: въ ихъ труды незамѣтно проскользали и не православныя мнѣнія, —каково, напр., мнѣніе о времени пресуществленія св. даровъ. Но промахи эти ставить въ особенную вину тоговременнымъ писателямъ, а тѣмъ болѣе на этомъ основаніи заключать о ихъ неправославіи отнюдь нельзя. Все это было слѣдствіемъ новости дѣла и неполучившей полной устойчивости богословской мысли, только начинавшей еще развиваться и крѣпнуть подъ вліяніемъ означенныхъ трудовъ. Думать противное, значитъ поголовно осуждать въ неправославіи все южнорусское духовенство, такъ много потрудившиеся въ защитѣ праотцевской церкви отъ враждебныхъ посягательствъ на нее со стороны иновѣрія. Думать противное, значитъ упрекать въ томъ же неправославіи и сѣверно-русскую церковь временъ и до-Никоновскихъ и послѣ-Никоновскихъ, такъ какъ указанные промахи и не-

досмотры относительно момента пресуществленія св. даровъ, епитимій и т. п. вошли и въ московскія изданія. Но да не будетъ тако!

Такимъ образомъ свидѣтельства о Петрѣ Могилѣ, какъ ревнителѣ православія, многочисленны и несомнѣнны; свидѣтельства же противоположнаго характера случайны, не надежны, иногда прямо лживы,—и вообще ни одно изъ нихъ исторической критики не выдерживаетъ.

(*Продолженіе будетъ*).

С. Голубевъ.

Выносъ плащаницы въ великій пятокъ и крестный ходъ съ нею.

Въ чинѣ, по которому совершаются выносъ плащанницы и крестный ходъ съ нею въ Москвѣ, Петербургѣ и Кіевѣ, существуетъ, какъ извѣстно, нѣкоторая разность. Въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ выносъ плащаницы совершается до начала вечерни: архіерей сначала кадитъ уготованный подъ плащанницу гробъ или столъ, потомъ, войдя въ алтарь, кадитъ трижды, точію сопреди, лежащую на престолѣ плащанницу, затѣмъ іереи выносятъ плащанницу изъ алтаря царскими дверьми и полагаютъ на уготованномъ столѣ съ троекратнымъ кажденіемъ вокругъ. Послѣ сего начинается вечерня, по отпустѣ которой священнослужители цѣлуютъ образъ Спасителя на плащанницѣ, прикладываясь только къ язвамъ ногъ, архіерей же цѣлуетъ язвы Его въ ребрѣ, рукахъ и въ ногахъ [1]).

Въ Петербургѣ и въ другихъ городахъ великороссійскихъ губерній выносъ плащаницы изъ алтаря совершается послѣ пѣнія стиховъ. стихиръ и по троекратномъ кажденіи ея и престола, на которомъ она возлежитъ; во время самаго кажденія поется: «Тебе одѣющагося», а при выносѣ изъ алтаря поютъ: «Благообразный Іосифъ»; священникъ въ полномъ облаченіи идетъ подъ плащаницей съ евангеліемъ на главѣ, а если участвуетъ нѣсколько священниковъ, то подъ плащаницей идетъ старшій изъ нихъ; плащаница полагается среди храма на столъ, окаживается, поютъ

---

[1]) Пособіе къ Уставу Богослуженія—Св. К. Никольскаго. С. Петербургъ, 1865 г., стр. 589 и 590.

«Благообразный Іосифъ», и предстоящіе допускаются къ цѣлованію плащанницы при пѣніи: «слава и нынѣ—мvроносицамъ женамъ» [1]).

Въ Кіевѣ выносъ плащанницы происходитъ при окончаніи вечерни великаго пятка, съ пѣніемъ: «Тебе, одѣющагося свѣтомъ яко ризою», по троекратномъ кажденіи престола и плащаницы; плащаница износится священнослужителями изъ алтаря царскими дверьми, при чемъ старшій изъ священнослужащихъ идетъ подъ плащаницею, держа евангеліе на главѣ; обносится она съ крестнымъ ходомъ вокругъ храма и по входѣ въ храмъ полагается среди храма на уготованномъ столѣ или гробѣ, окаживается при пѣніи: «Благообразный Іосифъ», и наконецъ во время пѣнія «слава и нынѣ—мироносцамъ женамъ», священнослужители и народъ, покланяясь предъ гробомъ, цѣлуютъ образъ Спасителя на плащаницѣ, не касаясь однако Его главы, которая прикрывается малымъ воздухомъ. За окончаніемъ вечерни слѣдуетъ отпустъ.

Утреня великой субботы, какъ въ столичныхъ церквахъ, такъ и во всѣхъ прочихъ въ Великороссіи и Малороссіи совершается одинаково, по чину, указанному въ Типиконѣ съ поднятіемъ плащаницы и обнесеніемъ ея вокругъ престола, послѣ чего опять относится на средину храма и полагается на столъ. Но въ великороссійскихъ епархіяхъ, по выносѣ плащаницы изъ алтаря, на утрени Великой субботы, совершается съ нею крестный ходъ вокругъ храма и потомъ уже она полагается на столъ среди церкви, по окончаніи крестнаго хода. Примѣру этому стали слѣдовать въ каѳедральныхъ соборахъ и монастыряхъ и Малороссіи съ начала нынѣшняго столѣтія, по распоряженію преосвященныхъ изъ великороссіянъ, такъ что въ этихъ храмахъ крестный ходъ съ плащаницей совершается два раза: въ концѣ вечерни великаго пятка и въ концѣ утрени великой субботы, но въ приходскихъ церквахъ западнаго края и въ Малороссіи крестный ходъ вокругъ храма съ плащаницей бываетъ только при окончаніи вечерни вел. пятка.

Въ Варшавской епархіи консисторіей, въ прошломъ 1892 г., сдѣлано распоряженіе объ отмѣнѣ крестнаго хода съ плащаницею

---

[1]) Тамъ же стр. 589—592.

послѣ вечерни вел. пятка, какъ несогласнаго якобы съ уставомъ православной церкви, и предписано совершать его при окончаніи заутрени вел. субботы, хотя въ нашемъ Типиконѣ о хожденіи съ плащаницей вокругъ храма вовсе не упоминается. Неоффиціальное напоминаніе мѣстному духовенству объ этомъ сдѣлано и въ семъ 1893 г., предъ праздникомъ Пасхи, чрезъ Холмско-Варшавскій Вѣстникъ.

Разъясненія разности во время крестнаго хода съ плащаницей, существующей въ церквахъ сѣверовосточнаго и западнаго края, надлежало бы искать въ богослужебныхъ книгахъ.—По справкѣ, наведенной г. Георгіевскимъ [1]), въ Цвѣтной Тріоди Краковской 1491 г. и Мркшицкой—1566 г. на утрени вел. субботы положенъ только входъ послѣ великаго славословія и притомъ безъ пѣнія стихсря и тропаря. Въ Московской Цвѣтной Тріоди 1591, 1608, 1621, 1630, 1635 и 1641 г. на утрени вел. субботы указанъ послѣ великаго славословія входъ съ *Евангеліемъ* и пѣніе: *пріидите, ублажимъ Іосифа*, но о плащаницѣ не упоминается. Въ Цвѣтныхъ Тріодяхъ: Виленской 1609 г., Кіевской 1631 г. и Львовской 1642 г., послѣ великаго славословія, положенъ входъ съ Евангеліемъ и при пѣніи: «*пріидите ублажимъ*», но также безъ упоминанія о плащаницѣ Наконецъ въ Московской Цвѣтной Тріоди 1648 г. и 1653 г. положено, послѣ тропаря «Богъ Господь», выносить на средину церкви на аналоѣ «праздникъ» (икону праздничную—положеніе Спасителя во гробъ) и раздавать свѣщи братіи.

Что касается древнѣйшихъ церковныхъ уставовъ—Студійскаго и Іерусалимскаго, то въ сохранившемся спискѣ Студійскаго Устава конца XII или начала XIII вѣка, на утрени вел. субботы, послѣ великаго славословія, положенъ только входъ съ Евангеліемъ въ алтарь, гдѣ оно и читается, но о выносѣ плащаницы на вечерни вел. пятка или на утрени вел. субботы не упоминается. Въ Уставѣ Іерусалимскомъ конца XIV и XV вѣковъ полагается облаченіе іерея на вел. славословіи во вся священныя одежды, и послѣ входа пѣніе тропаря: «Благообразный Іосифъ», но о выносѣ плащаницы при этомъ также не упоминается. Наконецъ въ спискахъ Іерусалимскаго Устава XVI вѣка полагается на утрени Вел. субботы, при исходѣ съ Евангеліемъ, выносить на гла-

[1]) Москов. Вѣд., мартъ —1893 г.

вахъ шитый «воздухъ» съ изображеніемъ на немъ положенія Спасителя во гробѣ. Воздухъ этотъ, послѣ цѣлованія братіею, предписывается полагать вмѣстѣ съ Евангеліемъ на престолъ, гдѣ онъ долженъ оставаться до Ѳоминой недѣли.

Въ печатномъ Уставѣ 1610 г., послѣ входа въ алтарь и отпуста заутрени, положено цѣлованіе иконы.

Въ Уставѣ 1633 г. не упоминается ни о воздухѣ, ни о плащаницѣ.

Въ Уставѣ 1641 г. полагается совершать на заутрени ходъ съ Евангеліемъ подъ плащаницей, но о выносѣ плащаницы на средину храма не упоминается.

Наконецъ въ Типиконѣ 1682 г. и во всѣхъ послѣдующихъ его изданіяхъ опредѣлено, послѣ входа съ Евангеліемъ подъ плащаницей полагать Евангеліе на престолъ, плащаницу же «на уготованѣ столѣ, во образъ гроба»; при чемъ сказано, что по отпустѣ утрени бываетъ «во обителехъ» цѣлованіе на плащаницѣ положенія во гробъ, а идѣже нѣсть плащаницы, цѣлуютъ образъ». Крестный ходъ съ плащаницей вокругъ храма при этомъ не полагается въ Типиконѣ.

Практика церковная допускала у насъ разнообразіе въ исполненіи выноса плащаницы изъ алтаря. Такъ, по уставу Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, на утрени Вел. субботы ставился посреди церкви аналой съ иконой «праздника», а входъ совершался съ Евангеліемъ и воздухомъ. Требникъ рукописный (№ 377) Синод. Библіотеки разъясняетъ, что въ началѣ утрени вел. субботы на аналоѣ среди церкви ставится икона «снятіе со креста тѣлеси Господне и положеніе во гробъ», а священники становятся вокругъ нея съ зажженными свѣчами и поютъ непорочны. Въ уставѣ Троице-Сергіева монастыря начала 17 вѣка положенъ ходъ съ плащаницей надъ архимандритомъ изъ сѣверныхъ дверей около столпа въ алтарь, и говорится, что на 1-мъ часу ставятъ праздникъ на цѣлованіе и поютъ стихъ: «пріидите ублажимъ» или «Тебе одѣющагося» (№ 400 Синод. библ.). Затѣмъ входитъ въ обычай выносить плащаницу на средину храма на время всей заутрени, гдѣ она лежитъ на особомъ столѣ и во время обѣдни до херувимской пѣсни, послѣ коей діаконами на главахъ вносится въ

алтарь. Въ Новгородскомъ Софiевскомъ соборѣ въ началѣ 17 го вѣка совершается уже крестный ходъ съ плащаницей на утрени Вел. Субботы.

Въ Великой Константинопольской церкви положенъ такой порядокъ совершенiя вечерни вел. пятка и утрени вел. субботы съ выносомъ плащаницы [1]).

На великой вечерни входъ съ Евангелiемъ, свѣте тихiй и парамiи, апостолъ и чтенiе Евангелiя съ амвона (т. е. съ возвышенiя, подобнаго нашей проповѣднической каѳедрѣ, находящагося въ греческихъ церквахъ у стѣны или столба за лѣвымъ клиросомъ), рцемъ вси, сподоби Господи, исполнимъ вечернюю молитву и послѣ возгласа «буди держава,» начинаютъ, идя отъ сѣверныхъ дверей алтаря, пѣть стихиры, а 6 священниковъ съ непокрытыми головами, въ фелоняхъ, исходятъ изъ алтаря въ предшествiи свѣтильниковъ, рипидъ, пѣвцевъ и лампадщика съ двусвѣчникомъ, поднявши съ благоговѣнiемъ плащаницу на свои головы, при чемъ предстоятель несетъ *въ правой рукѣ* св. Евангелiе, и при кажденiи дiаконовъ выходятъ на средину храма къ устроенной здѣсь кувуклiи (въ видѣ стола съ углубленiемъ подъ балдахиномъ); здѣсь пѣвцы, оканчивая пѣнiе стихиръ, становятся въ рядъ, а священнослужители съ плащаницей на главахъ дѣлаютъ троекратное обхожденiе кувуклiи, по окончанiи обхожденiя полагаютъ плащаницу въ углубленiи кувуклiи, при чемъ экклесiархъ осыпаетъ ее благоуханными цвѣтами. Послѣ сего патрiархъ, сойдя съ своей каѳедры (стоящей обыкно-венно у столба, подлѣ праваго клироса и обращенной передней своей стороной къ срединѣ храма), цѣлуетъ св. Евангелiе и плащаницу, благословляетъ народъ при пѣнiи многолѣтiя хоромъ и возвращается на свое патрiаршее мѣсто; затѣмъ подходятъ архiереи по два, цѣлуютъ плащаницу и получаютъ отъ патрiарха цвѣты; наконецъ тоже дѣлаютъ и священно- и церковно-служители, которымъ тоже даются цвѣты, между тѣмъ второй хоръ поетъ скоро и мелодично сначала «Тебе, одѣющагося», потомъ «нынѣ

---

[1]) Τυπικὸν κατὰ τὴν τάξιν τῆς τοῦ Χριστοῦ μεγάλης ἐκκλησίας ἐν Κωνσταντινουπόλει—1888, стр. 378—381.

отпущаеши», «трисвятое», «благообразный Іосифъ» до словъ: «покрывъ, положи» и «женамъ мироносцамъ» до «истлѣнія явися чуждь», и дѣлается отпустъ.

На утрени Вел. субботы, послѣ великаго славословія, хоры идутъ впереди, поя пѣснь «Святый Боже», за ними слѣдуютъ сначала священники, потомъ пѣвцы, патріархъ и архіереи, держа плащаницу. Въ такомъ порядкѣ они исходятъ изъ храма и возвращаются въ него. По возвращеніи вв храмъ патріархъ съ прочимъ клиромъ входитъ въ алтарь и возглашаетъ: «вонмемъ», «миръ всѣмъ», «премудрость»; поется отпустительный стихъ: «егда снишелъ еси къ смерти» и кадитъ патріархъ вокругъ престола, предшествуя плащаницѣ; послѣ сего поется: «благоонразный Іосифъ» до «покрывъ, положи», и полагаютъ священники плащаницу на престолъ; затѣмъ чтецъ, внѣ алтаря, читаетъ тропарь пророчества «содержаяй предѣлы», прокименъ, чтеніе изъ пророчества и апостола, а патріархъ читаетъ Евангеліе предъ царскими вратами. Послѣ «испола эти» патріархъ снимаетъ св. облаченія, надѣваетъ мантію и выходитъ на свой тронъ. Наконецъ слѣдуютъ чтеніе архидіакономъ ектеній: «рцемъ вси», «исполнимъ утреннюю молитву», возгласъ іерея я отпустъ.

Такимъ образомъ по справкѣ оказывается, что ни въ церковныхъ уставахъ и типикахъ, ни въ богослужебныхъ книгахъ нашей церкви крестный ходъ съ плащаницей вокругъ храма не положенъ ни на вечерни Вел. Пятка, ни на утрени Вел. Субботы; его установила и поддерживаетъ до нынѣ практика церковная. но практика эта неодинакова была и прежде въ 16 и 17 вѣкахъ, неодинакова она и теперь; разность главнымъ образомъ нынѣ состоитъ только во времени крестнаго хода вокругъ храма съ плащаницей, который въ церквамъ сѣверовосточнаго края Россіи, бывшихъ съ 15 вѣка подъ вѣдѣніемъ московскаго митрополита, внѣ зависимости отъ константинопольскаго патріярха, совершается при концѣ заутрени вел. субботы, а въ церквахъ западнаго края Россіи, состоявщихъ по 1686 г. подъ вѣдѣніемъ отдѣльнаго кіевскаго митрополита и, по прежнему, въ зависимости отъ константинопольскаго патріарха,—происходитъ при окончаніи вечерни вел. пятка. Такъ практикуется и на православномъ Востокѣ: свидѣтели

православнаго богослуженія въ православныхъ церквахъ Востока, изъ которыхъ одинъ—іеродіаконъ великой Константинопольской церкви (студентъ духовной академіи), а другой—состоящій въ санѣ архимандрита, бывшій нѣкогда дѣлопроизводителемъ при Константинопольскомъ патріархѣ, удостовѣряютъ, что крестный ходъ съ плащаницей на православномъ востокѣ и въ частности не только въ Константинополѣ, но и во всѣхъ греческихъ церквахъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ монастырскихъ, совершается послѣ вечерни великаго пятка, а на заутрени великой субботы не бываетъ. Сличая этотъ чинъ выноса плащаницы съ евангельскимъ повѣствованіемъ о снятіи тѣла Спасителя со креста и положеніи его во гробъ, нельзя не признать, что обычай совершать крестный ходъ съ плащаницей вокругъ храма въ Вел. Пятокъ, изображая собою несеніе тѣла Спасителя ко гробу и Его погребеніе, наиболѣе соотвѣтсвуетъ этому св. сказанію, такъ какъ погребеніе тѣла Іисуса Христа происходило не въ субботу, а въ пятокъ, о чемъ ясно говорятъ: евангелистъ Лука въ 23 гл. 54 ст.: «*и день бѣ пятокъ и наступала суббота*» (въ часъ положенія Іисуса Христа во гробъ) и евангелистъ Іоаннъ въ 42 ст. 19 главы: *ту убо пятка ради іудейска, яко близъ бяше гробъ, положиста Іисуса*. Намъ кажется, что обычай совершать крестный ходъ вокругъ храма съ плащаницей во время заутрени имѣлъ бы болѣе сообразное съ евангельской исторіей значеніе только тогда, если бы заутреня великой субботы начиналась, подобно всенощной, въ поздній вечеръ, отдѣльно отъ вечерни, и оканчивалась не позже полуночи, какъ это бываетъ въ нѣкоторыхъ домовыхъ церквахъ.

Извѣстія и замѣтки.

— **Открытіе фресковыхъ св. изображеній въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.** Въ минувшемъ м. апрѣлѣ, по снятіи иконостаса главнаго алтаря для перезолоты, открыты на столбахъ алтарной арки забѣленныя древнія св. изображенія мучениковъ фресковой живописи. На передней сторонѣ столбовъ фрески лучше сохранились, на угловыхъ сторонахъ столбовъ уцѣлѣли лишь нѣкоторыя части фигуръ свя-

тыхъ. Затѣмъ, по снятіи иконостасовъ у придѣловъ жертвенника и діаконника, оказались на двухъ столбахъ хорошо сохранившіяся подъ слоями побѣлки фресковыя изображенія молящейся съ воздѣтыми руками Божіей Матери и св. Іоанна Предтечи во весь ростъ. Расчистка на частяхъ прилегающихъ къ столбамъ будетъ продолжена. Эти св. изображенія написаны за 850 лѣтъ до нашего времени при вел. князѣ кіевскомъ Ярославѣ Владиміровичѣ, сынѣ св. Владиміра. Для осмотра вновь открытыхъ древнихъ св. изображеній, 20 апрѣля, посѣтили Софійскій соборъ: высокопреосвященный митрополитъ кіевскій и галицкій Іоанникій и его сіятельство, начальникъ края, графъ А. П. Игнатьевъ.

— **Административная высылка изъ Новороссійскаго края, 2 января, штундиста Херсонской губерніи Ивана Рябошапки.** Газета „Новости Дня“ сообщаетъ, что главный распространитель штундизма въ херсонской и кіевской губерніи Иванъ Рябошапка, по оправданіи одесскимъ судомъ остававшійся более 20 лѣтъ на свободѣ, высылается наконецъ изъ края на Кавказъ административнымъ порядкомъ. Распродавъ свое имущество и сдавъ мельницу въ аренду, онъ въ январѣ сего года уже отправился было въ назначенное ему мѣсто вмѣстѣ съ женою, на собственныхъ лошадяхъ, но 5 февраля возвращенъ съ пути, подъ надзоромъ полицейскимъ, для привлеченія къ суду по особому цѣлу, такъ какъ оказалось, что Рябошпка дѣлалъ противузаконныя записи на билетахъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ въ запасѣ арміи, о повѣнчаніи ихъ по своему обряду и подписывался, съ приложеніемъ печати, такъ: „Любомірскій анабаптистскій пресвитеръ Иванъ Григорьевъ Рябошапка“; такимъ образомъ Рябошапка обвиняется въ присвоеніи себѣ самовольнаго званія и въ выдачѣ ложнаго удостовѣренія о бракѣ. Пишутъ, что новая высылка этого пропагатора послѣдуетъ на общемъ основаніи этапнымъ порядкомъ въ концѣ текущаго апрѣля. Любопытно знать, остается ли на свободѣ помощникъ Ратушнаго, Герасимъ Болобанъ, насадитель штундизма въ Таращанскомъ уѣздѣ, кіевской губерніи, оправданный въ 1873 году кіевскою соединенною палатою уголовнаго и гражданскаго суда.

— Служенія его высокопреосвященства въ м. апрѣлѣ. Высокопреосвященнымъ митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ Іоан-

никіемъ совершены торжественныя служенія литургіи: 4 апрѣля, въ Ѳомино воскресенье, въ Софійскомъ каѳедральномъ соборѣ съ роздачей артоса по окончаніи литургіи и 23 апрѣля, въ день св. великомученика Георгія, въ Выдубецкомъ монастырѣ по случаю престольнаго праздника. Многочисленная масса народа наполняла храмъ и дворъ во время совершенія богослуженія и принимала потомъ благословеніе Архипастыря.

— **Посѣщеніе Кіева о. Іоанномъ Кронштадтскимъ.** Извѣстный кронштадскій протоіерей Іоаннъ Сергіевъ прибылъ въ Кіевъ 16 апрѣля вечеромъ; въ слѣдующіе три дня имъ совершены литургіи: 17 и 19 числа въ церкви генералъ-губернаторскаго дома и 18 въ Покровскомъ женскомъ монастырѣ. Вѣрующіе въ особенную силу его молитвъ приглашали его помолиться въ ихъ домахъ, въ особенности гдѣ были болящіе, и большая толпа слѣдовала за нимъ вездѣ, чтобы получить его благословеніе. 19 апрѣля вечеромъ о. Іоаннъ выѣхалъ изъ Кіева по Курской ж. дорогѣ.

Пріемъ воспитанниковъ въ Кіевскую духовную Академію.

Отъ Совѣта Кіевской духовной Академіи объявляется:

1) Съ 16 августа 1893 г. въ Кіевской духовной Академіи, для образованія новаго курса въ ней, имѣетъ быть пріемъ воспитанниковъ.

2) Для повѣрочнаго пріемнаго испытанія Совѣтомъ Академіи назначены слѣдующіе предметы: свящ. писаніе новаго зав (для окончившихъ курсъ въ гимназіи—правосл. христіанскій катихизисъ), древняя общая церковная исторія, словесность съ исторіей русской литературы и два древніе языка—греческій и латинскій; кромѣ того, подвергающіеся испытанію должны написать три сочиненія на данныя темы, изъ которыхъ одна богословскаго содержанія, другая—историческаго и третья—литературнаго.

3) Испытаніе будетъ производимо въ предѣлахъ семинарскаго или гимназическаго курса, сообразно съ тѣмъ, принадлежитъ ли испытуемый къ воспитанникамъ семинаріи или гимназіи.

4) Желающіе подвергнуться повѣрочнымъ пріемнымъ испытаніямъ должны имѣть въ аттестатахъ по поведенію баллъ 5.

5) Свободныхъ вакансій казеннокоштныхъ для I курса, согласно штату, имѣется 30, изъ которыхъ на 25 вакансій вызываются семинарскіе воспитанники по назначенію начальства, а 5 вакансій предназначены для тѣхъ волонтеровъ, которые болѣе удовлетворительно сдадутъ повѣрочный экзаменъ.

6) Порядокъ и условія пріема воспитанниковъ въ Академію опредѣлены въ особыхъ правилахъ, изъ коихъ для свѣдѣнія приводятся слѣдующіе §§:

§ 1) Въ студенты Академіи принимаются лица всѣхъ состояній православнаго исповѣданія, съ полнымъ успѣхомъ окончившіе курсъ духовной семинаріи или полной (съ двумя древними языками) классической гимназіи.

§ 2) Женатыя лица въ число студентовъ Академіи не принимаются.

§ 3) Просьбы о пріемѣ въ студенты Академіи подаются волонтерами на имя ректора Академіи до 15 августа. Каждый изъ нихъ долженъ имѣть при себѣ билетъ на проѣздъ въ г. Кіевъ.

§ 4) Къ прошенію о пріемѣ въ студенты должны быть приложены слѣдующіе документы: а) семинарскій или гимназическій аттестатъ; б) метрическое свидѣтельство о рожденіи и крещеніи; в) свидѣтельство о явкѣ къ исполненію воинской повинности или свидѣтельство о припискѣ къ призывному участку по отбыванію сей повинности; г) документъ о состояніи, къ которому принадлежитъ проситель по своему званію, если онъ не духовнаго происхожденія. Лица податнаго сословія обязаны сверхъ того представить свидѣтельства объ увольненіи ихъ обществами на законномъ основаніи.

Примѣчаніе. Семинарскія Правленія также до 15 августа высылаютъ документы назначенныхъ ими въ Академію воспитанниковъ, которые обязаны сами явиться въ оную 14 августа.

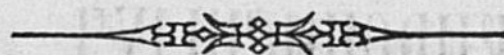
§ 5) Поступающіе въ Академію по прошествіи одного или нѣсколькихъ годовъ по выходѣ изъ учебнаго заведенія должны представить свидѣтельство о благонадежности отъ того начальства, въ вѣдѣніи котораго состояли.

§ 6) Всѣ воспитанники, какъ присланные въ Академію по распоряженію начальства, такъ и поступающіе по собственному

прошенію, подвергаются повѣрочному испытанію въ особыхъ, назначаемыхъ для этого Совѣтомъ, коммиссіяхъ и принимаются въ студенты по успѣшномъ выдержаніи въ Академіи повѣрочнаго испытанія.

§ 7) Изъ числа подвергавшихся испытанію, какъ по назначенію семинарскихъ начальствъ, такъ и по прошеніямъ, выдержавшіе оное удовлетворительно принимаются: лучшіе—казеннокоштными студентами съ подпиской прослужить обязательный срокъ по духовно-учебному вѣдомству согласно 160 и 161 §§ уст. дух. акад., а остальные—своекоштными (§ 112), число коихъ опредѣляется вмѣстительностію академическихъ зданій, со взносомъ 210 руб. въ годъ, или по 105 р. въ сентябрѣ и январѣ за каждое полугодіе; не удовлетворившіе этому требованію въ теченіи мѣсяца увольняются изъ Академіи (§§ 150 и 151).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Отъ Кіевскаго духовнаго цензурн. Комитета печат. дозвол. 30 апрѣля 1893 г.
Цензоръ, Протоіерей *М. Богдановъ*.

Кіевъ, типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайвлоская ул. д. № 4.